

Е. В. ИВАНОВА

ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ БЛОКА: К ПУШКИНУ ЧЕРЕЗ ДОСТОЕВСКОГО

В предисловии к «Собранию стихотворений» Блок писал: «Куликовская битва принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди».¹ К подобным символическим событиям в истории русской литературы принадлежала речь Достоевского о Пушкине. Свообразным «возвращением» этого символического события стала блоковская речь «О назначении поэта», связавшая имена Блока, Пушкина и Достоевского.

Имя Достоевского в блоковской речи отсутствует, но оно замечательным образом появляется уже при первой публикации. Речь «О назначении поэта» была заказана Блоку Домом литераторов для пушкинской годовщины, где впервые и была произнесена 11 февраля 1921 года. Сразу после ее чтения в журнале «Вестник литературы» появилось сообщение, что «Блок привлечен к редактированию „Пушкинского сборника“».² Но сборник вышел после смерти Блока под заглавием «Пушкин. Достоевский» (Пг., 1921).

Много общего находим мы в истории произнесения обеих речей. Для обоих писателей пушкинская речь оказалась последним публичным актом: речь Блока была произнесена за шесть месяцев до его кончины, речь Достоевского — за восемь.

Первые слушатели речи Достоевского услышали в ней призыв к примирению русского общества, расколотого на два враждебных стана — западников и славянофилов, о чем Достоевский сообщал жене 8 июня 1880 года, в день чтения своей речи: «Когда же я провозгласил в конце о *всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впрямь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: всё ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студенты, государственные секретари, студенты — всё это обнимало,

¹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 3. С. 587. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² Вестник литературы. 1921. № 3. С. 20.

целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика: „Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили. Вы наш святой, вы наш пророк!“. „Пророк, пророк!“ — кричали в толпе» (30, 184).

Пророческими современники называли призывы Достоевского к примирению. Глеб Успенский писал, что Достоевский сумел «привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске».³ Опираясь на Пушкина, Достоевский связывал прошлое и будущее русской культуры. Свою пушкинскую речь, опубликованную в «Дневнике писателя» вместе с ответом критикам, Достоевский назвал в письме к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 года своим *profession de foi*. Таким образом, речь Достоевского содержала три принципиально важных момента: новое осмысление значения Пушкина для современности, призыв к примирению русской культуры в период ее внутреннего разделения ради сохранения ее будущего, и, наконец, речь эта давала автору возможность, опираясь на Пушкина, высказать собственные мысли о смысле и значении этой культуры.

Как будет показано ниже, похожие смысловые моменты уловили и слушатели блоковской речи «О назначении поэта», хотя она кажется на первый взгляд куда более элементарной по своему содержанию, и, если рассматривать ее изолированно от творчества Блока и от контекста, в котором она прозвучала, невозможно понять, почему она получила такой резонанс.

Если речь Достоевского действительно намечала новый подход к пониманию пафоса пушкинского творчества, если это творчество рассматривалось им с совершенно новых позиций, то в речи Блока ничего подобного мы не находим. Слова Блока о поэте и черни, инвективы в адрес чиновников — все это явно не составляло главного в наследии Пушкина, и значение, которое приобрело выступление Блока, может показаться преувеличенным. И прежде всего потому, что в среде символистов существовал своеобразный культ Пушкина, началом которого стал пушкинский номер журнала «Мир искусства», выпущенный к столетнему юбилею со дня рождения поэта (1899. № 13—14). Помещенные в нем статьи Василия Розанова, Николая Минского и Дмитрия Мережковского открывали новую страницу в отношении к Пушкину, и в дальнейшем почти каждый из символистов вносил свой вклад в осмысление значения пушкинского творчества для русской культуры.

---

³ Успенский Г. И. Собр. соч.: [В 14-ти т.]. Л., 1953. Т. 6. С. 422.

Блок разделял общесимволистский культ Пушкина, но его вклад в упрочение этого культа был куда менее значительным, чем у других символистов, что давало основание некоторым исследователям утверждать, что «путь Блока идет мимо Пушкина».⁴ Так могло показаться, если сравнивать Блока с другими символистами. В отличие от Валерия Брюсова, Андрея Белого, Вяч. Иванова он никогда не писал статей о Пушкине и делал это, можно сказать, вполне сознательно.

«Что требуется от того, кто заговорит о Пушкине теперь? — писал Блок в одной из рецензий. — Такому смельчаку, если он не ограничится библиографическими справками, все зачтется в вину: каждое повторенное слово, будь оно самое искреннее, падет на его голову обвинением в плагиате. Сказать о Пушкине и быть услышанным теперь может только истинный писатель, то есть тот, кто воистину подарил себя и свое — родной литературе, тот, кто прежде всего ответственен за каждое слово и мысль свою, а потом — человек, скептик, мистик и т. д.» (т. 5, с. 635).

Тем не менее, как это показано в статье З. Г. Минц «Блок и Пушкин», творческие переключки с Пушкиными были постоянными в стихах и прозе Блока, хотя, как отмечает исследовательница, происходило «*постоянное изменение „блоковского Пушкина“*». По ее наблюдениям, «у Блока в каждый период его творчества был свой Пушкин».⁵ Но это относилось к области творческих переключек, Пушкин как явление русской культуры не был предметом размышлений Блока. Тем знаменательнее, что именно под таким углом зрения образ Пушкина возникает перед ним в начале 1921 года, последнего года жизни Блока.

Появление пушкинских замыслов на первый взгляд может показаться случайностью, первый из них состоял в подготовке однотомника стихотворений Пушкина и логически возник как продолжение работы Блока над изданием русских классиков для издательства З. И. Гржебина, для которого он перед этим подготовил однотомник Лермонтова. Два других пушкинских замысла пришли к нему извне, были ему заказаны. Но эти предложения встретили отклик у Блока, поскольку, вероятно, отвечали его внутренним потребностям.

К началу 1921 года период воодушевления, вызванный событиями Октября 1917 года, когда на волне надежд и ожиданий им создавались статья «Интеллигенция и революция» и поэма «Двенадцать», связавшие имя Блока с большевистской революцией, остался далеко позади. Все революционные иллюзии были окончательно изжиты, кроме того, поэт испытал полное разочарование в общественном служении, которое он осуществлял в разных

⁴ Гроссман Л. Блок и Пушкин // Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Л., 1926. С. 347.

⁵ Минц З. Г. Блок и Пушкин // Тр. по русской и славянской филологии. 21: Литературоведение / Учен. зап. Тартуского государственного университета. Вып. 306. Тарту, 1973. С. 136.

советских учреждениях. Все его попытки включиться в строительство новой культуры потерпели крах. Вновь созданные советские учреждения — ТЕО Наркомпроса, издательство «Всемирная литература», творческие союзы и объединения, обнаружили свою полную нежизнеспособность. Сотрудничество в этих полубюрократических учреждениях заставило Блока стать свидетелем рождения нового большевистского чиновничества, новой советской бюрократии, которая постепенно прибирала культуру к рукам.

Именно в момент этого разочарования у Блока рождается идея составить однотомник стихотворений Пушкина, над которым он работал вместе с Евгенией Книпович,⁶ идея, не имевшая в тот момент никакого издательского обеспечения. «Если бы можно было издать маленького Пушкина, „все, что нужно“», — записывает Блок в дневнике 21 января 1921 года (т. 7, с. 399). Здесь же он начинает составлять план такого издания. Смысл обращения Блока к Пушкину в этот момент выражают слова из его стихотворения «Пушкинскому Дому»:

Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Буквально в эти же дни к поэту обратился Дом литераторов с предложением выступить в годовщину смерти Пушкина. Блок согласился, а 5 февраля последовало предложение от Евлалии Павловны Казанович, библиотекаря Пушкинского Дома, где хранились пушкинские рукописи, написать стихотворение в альбом. «Позвонила библиотекарша Пушкинского Дома, — записывает Блок в дневнике в этот день. — Завела альбом Пушкинского Дома» (т. 7, с. 403).

Блок совсем не писал стихов в это время и в одном из стихотворных экспромтов даже назвал себя: «писать стихи забывший Блок». Тем не менее он откликнулся на просьбу Казанович и стихотворение, получившее заглавие «Пушкинскому Дому», написал в один вечер, и оно на поэтическом языке выражало те же мысли, что и его речь «О назначении поэта», над которой он работал в эти дни; оба они в итоге составили своеобразное завещание поэта.

Речь была прочитана трижды — 11, 13 и 16 февраля. В период работы над речью Блок ни разу не вспоминает речь Достоевского о Пушкине, но она жила в нем: «Достоевский провещал о Пушкине — и смолкнувшие слова его покоятся в душе» (т. 5, с. 26). Между тем прекрасно зная творчество Пушкина, Блок был мало подготовлен к написанию речи о нем. Как уже говорилось, в прежние времена такая задача казалась ему вообще неосуществимой и он не имел ничего обдуманного заранее, зафиксированного в черновиках или прежних статьях.

---

⁶ Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1997. С. 39.

История создания блоковской речи показывает, что он опирался по существу на единственный источник. По воспоминаниям Евгении Книпович, это были статьи Владимира Соловьева о Пушкине.⁷ В личной библиотеке Блока сохранились его пометы на полях трех соловьевских статей о Пушкине: «Судьба Пушкина», «Особое чествование» и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина».⁸ Пометы делались в разное время, но часть их несомненно связана с работой над речью «О назначении поэта».

Без изменений переносит Блок в свою речь характеристику Пушкина как символа поэзии. «Пушкин, — писал Соловьев, — остается поэтом по преимуществу, более беспримесным, — чем все прочие, — выразителем чистой поэзии».⁹ А вот утверждение Соловьева: «Пушкина убила не пуля Геккерна, а его собственный выстрел в Геккерна», оспаривается Блоком. Книпович вспоминала свой спор с Блоком по поводу этой фразы, точка зрения Блока заключена в словах из статьи «О назначении поэта»: «Пушкина (...) убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха». Однако едва ли Блок думал и говорил в данном случае о Пушкине, а не о себе. В воспоминаниях В. Зоргенфрея приводится его ответ на вопрос, что мешает ему писать стихи: «разреженная атмосфера».¹⁰ Сходные признания делал он и Чуковскому: «Все звуки прекратились. Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?». Чуковский прямо связывал это блоковское признание со словами из его речи «О назначении поэта»: «И поэт умирает, потому что дышать ему нечем».¹¹ Книпович справедливо обратила внимание также на то, что Блок использует в своей речи слова Владимира Соловьева о черни. В статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» Соловьев писал, что в пушкинских словах:

Подите прочь, какое дело
Поэту мирному до вас

никак не мог подразумеваться народ. «Враждебная поэту толпа не имеет, да и не может иметь, словных или вообще социальных признаков. Это есть не общественная, а умственная и нравственная чернь, — люди формально образованные и потому могущие вкривь и вкось судить о поэзии, но по внутренним причинам неспособные ценить ее истинного значения, требую-

⁷ Там же.

⁸ Библиотека А. А. Блока. Описание. Л., 1985. Кн. 2. С. 262—268.

⁹ Соловьев В. Судьба Пушкина // Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 397.

¹⁰ Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок: (По памяти за пятнадцать лет: 1906—1921 гг.) // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 28.

¹¹ Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский К. И. Соч.: В 2-х т. Т. 2: Критические рассказы. М., 1990. С. 407.

щие от нее рабской службы практическим целям. К этой черни менее всего могут принадлежать, конечно, земледельцы, пастухи и ремесленники, не ради их мнимого демократического преимущества, а просто по отсутствию у них (особенно во времена Пушкина) всякого формального образования, вследствие чего, не имея о поэзии *никаких* мнений, они не могут иметь и ложных».

Блок в своей речи повторит, что и он считает, что чернь — не народ. Соловьев отмечал, что чернь это те, кто пытались использовать поэта в прикладных целях: «Пой нам не то, что внушает твоё вдохновение, которое кажется нам бесплодным, а то, что нам нужно и чего ты также должен хотеть, — ведь должен же ты быть альтруистом, должен желать нам блага!».¹² Блок и в этом соглашается с Соловьевым, но делает к его словам небольшое дополнение: «Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет „светский“, давая собирательное имя той родовой придворной знати, у которой не осталось за душой ничего, кроме дворянских званий; но уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня: не знать и не простонародье; не звери, не комыя земли, не обрывки тумана, не осколки планет, не демоны и не ангелы» (т. 6, с. 164).

Про чиновников у Соловьева не было ни слова, но зато в статьях Блока послереволюционных лет, когда он много и интенсивно работал в советских культурных учреждениях, более чем достаточно, так же как и жалоб на цензуру, которая затем в статье Блока выступает как душительница «тайной свободы». Примерно в эти же дни Блок написал черновик манифеста издательства «Алконост», где по поводу ликвидации большевиками частных издательств сказано: «Новый опыт с издательствами должен, очевидно, сделать все человеческие мысли и мечты нищими, подстриженными, похожими одна на другую, чтобы след за тем объединить их одной газетной передовицей». Опять Блок говорит о себе и своем времени.

Наконец, еще один опорный момент речи — слова о «тайной свободе» — Блок выделил эти слова из пушкинского стихотворения «К Плюсковой» еще до работы над речью, во время составления однотомника Пушкина, они показались ему созвучными, и он снова обратился к ним здесь. Таким образом, и во всех опорных моментах блоковской речи присутствовал личный, исповедальный подтекст, хотя ни одного слова о себе и своей позиции в речи «О назначении поэта» не содержалось. Слушатели речи Блока не могли знать, что в эти же дни он написал стихотворение «Пушкинскому Дому», где его отношение к событиям Октября 1917 года выражено со всей отчетливостью:

---

¹² Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 265—266, 269.

Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

И далее:

Но не эти дни мы звали,
А грядущие века...

Однако взаимопонимание с современниками у Блока было настолько совершенным, что его слушателям не надо было никаких прямых объяснений, им хватило и того, что было сказано в речи «О назначении поэта». В редакционной заметке о вечере в журнале «Дом искусств» была не только отмечена «превосходная речь» Блока, но и сказано, что «между строк поэт говорит о причинах своего нынешнего молчания».¹³ Сходной была реакция на это выступление Блока и Бориса Эйхенбаума: «Блок говорил о себе, а мы думали, что о Пушкине».¹⁴

Речь Блока современники восприняли не только как отклик на юбилей Пушкина, но и как декларацию его взглядов на новом этапе, существенным образом отличавшихся от тех, которые были у него в эпоху создания поэмы «Двенадцать» и статьи «Интеллигенция и революция». Блок произнес свою речь в условиях, когда Октябрьская революция разделила образованное общество на два непримиримых лагеря: тех, кто принял революцию, и тех, кто встретил ее враждебно. Как создатель поэмы «Двенадцать» Блок был зачислен в ряды сторонников большевиков и даже был подвергнут бойкоту со стороны части своих прежних поклонников и почитателей. Его пушкинская речь помогла восстановить внутреннюю связь с этой частью аудитории. «Пока он говорил, — вспоминал Владислав Ходасевич, — чувствовалось, как постепенно рушится стена между ним и залом. В овациях, которыми его провожали, была та просветленная радость, которая всегда сопутствует примирению с любимым человеком».¹⁵

Реакция современников открывает то, что связывало речь Блока и речь Достоевского как два символических события русской истории и литературы: в том и в другом случае Пушкин становится поводом для объяснения с читателями, для исповеди перед ними.

Впоследствии блоковская речь была осмыслена как завещание, как обращение к потомкам. «Автор „Двенадцати“, — писал Ходасевич, — завещал русскому обществу и русской литературе хранить последнее пушкинское наследие — свободу, хотя бы „тайную“».¹⁶

¹³ Дом искусств. 1921. № 1. С. 103.

¹⁴ Книжный угол. 1921. № 7 (октябрь). С. 11—14.

¹⁵ Ходасевич Вл. Некрополь. Париж, 1968. С. 125.

¹⁶ Там же.

Таким образом, для послереволюционной интеллигенции блоковская речь и пушкинские торжества 1921 года сыграли приблизительно такую же роль, как торжества по поводу открытия памятника Пушкина в 1880 году и выступление на них Достоевского о Пушкине, с той лишь разницей, что в этот период роль, которую интеллигенция занимала в русском обществе, была совершенно иной. Во времена Достоевского она ощущала себя солью земли, и эта речь имела огромный для того времени резонанс. В 1921 году интеллигенция, к которой обращался Блок, оказалась узким, обреченным на вымирание слоем, окруженным враждебным «новым миром», соответственно и резонанс этих торжеств замыкался рамками этого кружка.

Однако на том же заседании 11 февраля была принята важная для последующих судеб культуры «Декларация о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти», под которой стояли подписи Блока, Гумилева, Ахматовой, Соллогуба, Ходасевича и других деятелей русской культуры. Эта декларация как бы подводила итог и придавала значение манифеста тому отношению к Пушкину, исток которого лежал в речи Достоевского.

В декларации было сказано: «Новая русская литература начинается с Пушкина и Пушкиным. До Пушкина наша литература была оранжерейным растением, утехой немногих любителей; на другой день после его смерти — она общественное явление первостепенной важности, сила, внушающая невольное уважение, сила, с которой вынуждены считаться. Литература приобретает значение единственной трибуны, с которой в словах поэтов и писателей доносятся думы и воля народа».¹⁷

Отдельные строки этого манифеста приобретали политическую окраску, насколько позволяли цензурные условия того времени: «Вся история русской литературы после Пушкина — история великой борьбы, в которой литература совершенно одинока. Над нею — суровая и непреклонная государственная власть, сознательно ей недоверяющая; вокруг нее — сословный общественный порядок, органически ей враждебный; под нею — народная толща, ей недоступная и от нее намеренно ограждаемая несокрушимой стеной невежества и неграмотности. Тем не менее литература делает свое дело и скоро ее история становится неотъемлемой составной частью русской национальной истории вообще».¹⁸

Русская эмиграция со времен первой волны ежегодно отмечает день рождения Пушкина как День русской культуры. Смысл этого нового, учрежденного 11 февраля 1921 года праздника выразил Ходасевич в речи «Колеблемый треножник», написанной вскоре после заседания, на котором была принята эта декларация:

---

¹⁷ Пушкин. Достоевский: Сб. статей. Пг., 1921. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 10—11.

«Наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке».¹⁹

Эта таинственная способность имени Пушкина помогать самоопределению русской культуры в ее переломные моменты связывает пушкинскую речь Достоевского и Блока.

---

¹⁹ *Ходасевич Вл.* Колеблемый треножник // Ходасевич Вл. Некрополь. Париж, 1968. С. 45.